

Сивцева Саассылана Иннокентьевна

доктор исторических наук, доцент, профессор
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова

**ЯКУТСКОЕ СЕЛО В 1945–1947 ГГ.:
НЕУРОЖАЙ, ЗАСУХА, ГОЛОД
(ИЗ ПЕРЕПИСКИ МЕСТНЫХ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ
С ЦК ВКП(Б)
И СНК СССР И ДР.)**

Аннотация:

Великая Отечественная война, ее тяжелые последствия сильно отразились на экономическом положении населения страны во второй половине 1940-х гг. В условиях полной разрухи колхозникам пришлось выживать в условиях неурожайных, засушливых лет. Отсутствие централизованного снабжения привело к тому, что их благополучие полностью зависело от своего огорода, рынка и обмена (как, впрочем, и в годы войны, 1941–1945). В Якутии, где возможности получения продукции со своего огорода практически отсутствовали (вследствие суровых природно-климатических условий), а скот личного пользования был обобществлен – колхозники продолжали испытывать крайнюю нужду. Материалы переписки местных органов власти с ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а также проверок комиссий партийного контроля, министерства сельского хозяйства СССР доказывают данное обстоятельство.

Ключевые слова:

неурожай, засуха, голод, Якутия, 1945–1947 гг., переписка, проверки, комиссия партийного контроля.

Sivtseva Saassylana Innokentyevna

D.Phil. in History, Professor,
North-Eastern Federal University

**A YAKUT VILLAGE IN 1945–1947: CROP
FAILURE, DROUGHT, FAMINE (FROM
THE CORRESPONDENCE OF LOCAL
AUTHORITIES WITH THE BOLSHEVIK
CENTRAL COMMITTEE AND THE COUNCIL
OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE USSR)**

Summary:

The Great Patriotic War, its severe consequences strongly affected the economic situation of the population in the second half of the 1940s. In the midst of widespread devastation, collective farmers faced crop failures and droughts. The lack of centralized supply meant that their well-being was totally dependent on their vegetable gardens, market and exchange (as it was in 1941–1945). In Yakutia, where growing fruits and vegetables was hardly ever available (due to the harsh climate) and the personal cattle was collectivized, collective farmers still lived in extreme poverty. This fact is proved by the correspondence of local authorities with the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks and the Council of People's Commissars of the USSR as well as the inspections of party control committees and the Ministry of Agriculture of the USSR.

Keywords:

crop failure, drought, famine, Yakutia, 1945–1947, correspondence, inspections, party control committee.

После Великой Отечественной войны население всей страны вступило в сложный период восстановления экономики. По словам Сталина, советскому народу предстояло принести «последнюю жертву», то есть взять на себя тяжелое бремя основных расходов на восстановление страны.

В условиях полной разрухи колхозники вновь оказались в тяжелейшей продовольственной ситуации [1]. Засуха и неурожай 1945–1947 гг. ухудшили их и без того тяжелое положение. Особенно тяжелой продовольственной ситуацией в стране оказалась в 1946–1948 гг., когда от голода, недоедания и болезней умерло около 1 млн чел., в том числе в РСФСР – 0,5 млн [2].

Колхозники не снабжались продовольствием централизованно, на государственном уровне, они полностью зависели от своего огорода, рынка и обмена. За мясо, картофель, пшено они могли получить от горожан соль, мыло, одежду и прочее. Возможности людей были на пределе по той причине, что натуральная выдача по трудодням в колхозах сокращалась, а госпоставки с личного подсобного хозяйства забирали львиную долю производившейся в хозяйствах продукции [3].

Положение колхозников Якутии, также не включенных в карточное снабжение продовольствием и промтоварами, по сравнению с рабочими и служащими ведущих отраслей экономики, получавших сравнительно неплохой заработок, льготы, было существенно хуже. Необходимо отметить и то, что часть сельского населения республики после войны продолжала испытывать определенные трудности, связанные с продолжающимися процессами созданием сети поселений, поселкования, а на Крайнем Севере – и с процессами коллективизации (известно, что коллективизация сильно запаздывала в удаленных от центра регионах страны) [4].

Засушливые, неурожайные годы стали практически нормой для истощенного войной якутского колхозного крестьянства. Если на трудодни невозможно было прокормиться, то за счет поголовья скота личного пользования колхозников продолжалось пополнение стада общественного колхозного поголовья (напомним, что такая практика существовала в годы войны, что привело к

проверкам из центра, осуждению такой практики и принятию постановления ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)» [5]).

Заморозки и засуха 1945 г. привели к тому, что ряд сельскохозяйственных районов республики вновь получили крайне низкий урожай зерновых. После выполнения государственных обязательств хлебопоставок и частичной засыпки семян хлеб на выработанные колхозниками трудодни могли распределить только по семи районам [6].

Совет народных комиссаров Якутской АССР и обком ВКП(б) не раз обращались по этому поводу за помощью в центр.

Председатель СНК ЯАССР И.Е. Винокуров в августе 1945 г. пишет заместителю председателя СНК СССР Г.М. Маленкову, что «...в ряде районов Усть-Алданском, Чурапчинском, Таттинском, Мегино-Кангаласском и Намском с 20–25 мая по 5–9 июля не было никаких осадков, вследствие этого озера и речки высохли, луга и пашни выгорели. При этом в первой декаде июля (5–9 июля) прошли сильные заморозки, доходящие до -7–9 градусов. В этих районах значительная часть колхозов перевела сенокос на дальние участки (от 80 до 300 км)... Кроме того, в республике имелись районы и колхозы, сильно отдаленные от пристанских и других сеноприемных пунктов, вследствие чего ежегодно часть поставок сена заменялась другими сельскохозяйственными продуктами (мясом, маслом). При этом оставалось какое-то количество сена вообще не реализованным и продавалось обратно колхозам...» [7]. Ввиду такого положения, Якутский совнарком просил в 1945 г. заменить часть сенопоставок другими сельскохозяйственными продуктами (хотя это было крайне невыгодно для самих колхозников), а некоторые районы – освободить от сенопоставок совсем. В частности, просил из 13 тыс. тонн снять 2 тыс. тонн и заменить другими продуктами 2 тыс. тонн [8].

К сожалению, ходатайство СНК ЯАССР о снижении плана сенопоставок на 1945 г. было отклонено. Наркомзаг разрешил только сдать вместо 4 тыс. тонн сена другие сельскохозяйственные продукты [9].

Несмотря на отклоненную просьбу, председатель СНК ЯАССР И.Е. Винокуров продолжал писать ходатайства. В сентябре 1945 г. И.Е. Винокуров обращается к заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову и секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову опять же с просьбой в связи с засухой 1945 г. освободить колхозы наиболее пострадавших районов от хлебопоставок и поставок картофеля [10]. И.Е. Винокуров пишет следующее: «После длительной засухи, продолжавшейся почти 4–5 лет, только 1944 г. был годом некоторого повышения урожая – 7,3 ц с га. Но, однако, и в 1944 г. около 70 колхозов не имели распределения хлеба на трудодни, а более чем 100 колхозов распределили от 50 до 100 граммов хлеба на трудодень.

Таким образом, из общего числа 750 полеводческих колхозов около 10 % колхозов в 1944 г. не распределили хлеба на трудодни, а около 15 % колхозов получили на трудодни крайне низкий доход.

В текущем году (1945 г. – С.С.) колхозы ряда решающих зерновых районов оказались в крайне затруднительном положении.

Во-первых. Зима 1944–45 гг. отличилась весьма незначительным снежным покровом (20–25 см). Вследствие этого влаги от снега не было.

Во-вторых, после посева, в июне, в районах Намском, Усть-Алданском, Чурапчинском, Таттинском и Мегино-Кангаласском прошли небывалые в последние несколько десятков лет заморозки – от 6 до 10 градусов ниже нуля, в результате которых всходы хлебов и овощных культур померзли.

В-третьих, после заморозков до начала августа стояла засушливая погода, что еще сильнее ухудшило виды на урожай...

Вследствие указанных причин, как показывают предварительные итоги двукратной проверки, проведенной по линии ОК ВКП(б) и органов Наркомзага, урожай зерновых культур в указанных районах оказался крайне низким – 1,5–2 ц с га...

Таким образом, колхозы районов Намского, Усть-Алданского, Чурапчинского, Таттинского и Мегино-Кангаласского оказались не в состоянии выполнить обязательные поставки государству по хлебу и картофелю и обеспечить засыпку семян...» [11].

Якутский обком ВКП(б) и Совнарком Якутской АССР, обсудив на месте положение колхозов указанных районов, выступили с ходатайством в ЦК ВКП(б) о замене 1500 тонн хлеба мясом и маслом и 500 тонн пшеницы ячменем.

Такое решение Якутского обкома и Совнаркома Якутской АССР являлось наиболее целесообразным выходом в выполнении государственных поставок колхозами, но, с другой стороны, затрудняло своевременное и полное выполнение ряда имеющихся постановлений и указаний Совнаркомов Союза и Федерации об улучшении материально-бытового положения колхозников Якутской АССР, в особенности по борьбе с туберкулезом среди населения.

Далее И.Е. Винокуров пишет: «...Считаю необходимым учесть, что колхозы и колхозники еще экономически не оправились от последствий большой и продолжительной засухи 1939–1943 гг., совпавшей с тяжелыми годами Великой Отечественной войны. Далее при замене поставки хлеба

поставкой мясом и маслом колхозники лишаются при отсутствии урожая хлеба единственного источника дохода от животноводства, что резко ухудшит материально-бытовое положение колхозников республики, где свирепствует туберкулез, и борьба с последним может стать недейственной.

На основе изложенного выше прошу:

а) освободить колхозы, пострадавшие от засухи и ранних заморозков, от хлебопоставок в количестве 1 500 тонн;

б) освободить от картофелепоставок колхозы и колхозников районов, пострадавших от засухи и заморозков.

В связи с развертыванием в настоящее время заготовок сельхозпродуктов в республике прошу решить данный вопрос в возможно ближайшее время» [12].

В дополнение к этому письму заместитель председателя Якутского СНК Мигалкин телеграфировал о том, что группа центральных и Вилюйских районов также сильно пострадала от засухи. Особенно сильно пострадали три района: Чурапчинский, Усть-Алданский и Таттинский: при общей площади посева зерновых 18 847 га погибло полностью 3 809 га [13].

На этот раз письмо-ходатайство СНК ЯАССР И.Е. Винокурова решено было удовлетворить: колхозы и хозяйства колхозников Якутии, посева которых значительно пострадали от засухи и заморозков, были освобождены от обязательных поставок государству зерновых культур в пределах 1 500 тонн, а также от обязательных поставок картофеля из урожая 1945 г. [14].

В 1945 г. тяжелым оказалось и положение колхозников рыболовецких колхозов, расположенных в Заполярье. Они оказались в трудном положении в связи с неблагоприятно сложившимися условиями рыбной путины. Колхозники не смогли обеспечить себя прожиточным минимумом еще в 1944 г. ввиду слабого хода рыбы, а в январе-феврале 1945 г. создались исключительно тяжелые материальные условия для проживания рыбаков и их семей. Колхозники рыболовецких колхозов искали себе работу в строительстве, заготовке топлива, тальника, клепки и др. В ответ на телеграмму секретаря Якутского обкома ВКП(б) Г. Масленникова заместителю председателя СНК СССР Г.М. Маленкову правительство оказало помощь рыболовецким колхозам, выделив 500 руб. на семью и авансовую помощь в виде продуктов [15].

Материальное, продовольственное состояние колхозного населения в 1946 г. в Якутии может охарактеризовать следующий документ.

В 1946 г. уполномоченный КПК (Комиссия партийного контроля) при ЦК ВКП(б) по Якутской АССР Игнатов оформил «Справку о состоянии общественного животноводства колхозов в ЯАССР» для секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова [16]. Эта справка содержала сведения о результатах работы над решением ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)». Напомним, что это постановление вышло вследствие проверки комиссией состояния сельского населения Якутии в период, когда была зарегистрирована чрезвычайно высокая смертность людей от голода. Тогда постановлением отмечался дисбаланс, несоответствие численности общественного поголовья и скота, находившегося в личном пользовании колхозников. Утверждалось, что закупки у колхозников скота личного пользования для пополнения поголовья общественного скота являются нарушением Устава сельскохозяйственной артели. Были указаны меры по преодолению такого дисбаланса, в частности, предлагалось наделять колхозников скотом личного потребления, содействовать в приобретении сена и т. д.

Что же обнаруживается в справке о мерах по выполнению данного постановления спустя три года? Как пишет проверяющий Игнатов, «...в деле развития животноводства достигнуто некоторое улучшение. Общее количество крупного рогатого скота в республике за последние три года увеличилось на 80,5 тыс. голов, или на 35,6 %, оленей – на 57,3 тыс. ...или на 28,7 %. Количество лошадей снизилось на 13,4 тыс. голов. В общественном животноводстве колхозов количество крупного рогатого скота за это время увеличилось на 20,6 тыс. голов, или на 12,6 %, оленей – на 26,6 тыс. голов, или на 18,5 %, овец и коз на 1,6 тыс. голов, или на 47,7 %. Количество лошадей снизилось на 17 тыс. голов.

Количество крупного рогатого скота в личном пользовании колхозников с 48,9 тыс. голов выросло до 97,2 тыс. голов, лошадей с 1 914 голов до 3 248, оленей с 15 805 до 18 284. Несколько повысилась продуктивность колхозного животноводства.

Однако... решение ЦК ВКП(б) от 13 апреля в части животноводства Якутским обкомом ВКП(б) выполняется все еще неудовлетворительно, в результате чего в деле развития животноводства имеются серьезные ошибки и недостатки.

В общественном животноводстве колхозов продолжается очень высокий отход скота, из-за чего сокращается рост поголовья, ухудшилась структура стада... Имеется много фактов, когда общественные интересы колхозов приносятся в угоду личным, частнособственническим интересам отдельных лиц... Например, в 1945 г. в Вилюйском районе при невыполнении большинством колхозов государственного плана и установленного минимума коров продано колхозникам, рабочим и служащим с колхозных ферм по низким ценам 476 коров – 20,3 % к общему числу коров

на начало года. В результате по 28 колхозам маточное поголовье сократилось на 204 головы, или на 12,6 %. В колхозе «II Пятилетка» при невыполнении (плана. – С.С.) минимума коров продано колхозникам, рабочим и служащим 12 коров, из-за чего количество коров уменьшилось с 79 до 57... Колхозами Чурапчинского района (в этот район возвращались принудительно переселенные в 1943 г. на Север колхозники-чурапчинцы. – С.С.) в 1945 г. приобретена путем покупки и обмена 581 корова, преимущественно мелкого скота, за счет этого забита для распределения на трудодни 941 голова взрослого скота, продано на рынке 173 головы, выдано колхозникам, рабочим и служащим коров и телок 742 головы и 120 кобыл. В результате в 27 колхозах количество кобыл сократилось в 10 колхозах на 77 голов, или на 8,8 %.

В колхозе «Горн Амги» при невыполнении (плана. – С.С.) минимума коров продано колхозникам 10 коров и сдано в госпоставку 4, из-за чего количество коров на ферме уменьшилось с 46 до 32 голов. Чтобы показать благополучие с выполнением плана в целом по крупному рогатому скоту по указанию РайЗО было обменено 5 колхозных лошадей на 15 телят рождения 1945 г. Аналогично и с разбазариванием кобыл в этом колхозе, что привело к сокращению конепоголовья на 36 %. Из 50 кобыл было выдано колхозникам 4, обменено на рогатый скот 4, забито для распределения по трудодням 7, пало 2. <...>

В колхозе им. Тельмана допускают выдачу скота колхозникам, которые имеют свой личный скот. Так, колхознику Михайлову выдана корова, Амосовой – кобыла, колхознику Павлову, не имеющему скота, сразу выдана корова и кумысная кобыла.

Кроме того, допускается обмен скота на явно невыгодных для колхоза условиях. В колхозе «10 лет ЯАССР» обменены 15 лошадей на 24 головы мелкого рогатого скота, в том числе одну кобылу за двух телят получил заведующий райторготделом Кононов, который забил ее на мясо. Колхоз путем покупки и обмена на лошадей приобрел 82 головы мелкого скота, за счет чего забил для распределения на трудодни и продал на рынке 35 голов взрослого скота и выдал бесскотным колхозникам, рабочим и служащим 60 коров и телок.

В колхозах Усть-Алданского района в 1945 г. куплено у колхозников 632 головы молодняка крупного рогатого скота, за счет чего забито и распределено на трудодни 1 773 головы взрослого скота. Например, колхозом им. Калинина закуплено 48 телят, за счет чего забито 37 голов взрослого скота; колхозом им. Молотова закуплено 45 телят, за счет чего забили 67 голов взрослого скота. Аналогично и в других колхозах района...

Такая антиколхозная практика в выполнении государственного плана и разбазаривание взрослого скота имели место и в других районах республики.

В общественном животноводстве колхозов значительно увеличилось количество непроизводительного скота. Так, за последние два года волов и быков в возрасте старше 1 года увеличилось на 9,2 тыс. голов, или с 24 % до 27,2 % к общему числу крупного рогатого скота, в то же время число нетелей уменьшилось на 2 %, а телок старше 1 года – на 4,5 %...

Также имеют место серьезные недостатки и в вопросах ликвидации бесскотности и бескоровности колхозников, в результате чего значительная часть колхозников все еще является бесскотными. Например, по состоянию на 1.01.1946 г. по 18 животноводческим районам 10 289 – 26,8 % хозяйств колхозников является бескоровными и 4 692 хозяйства – 12,2 % вообще не имеют крупного рогатого скота.

Особенно плохо проводится работа по ликвидации бесскотности в северных районах республики. В отдельных оленеводческих районах большая часть колхозников в личном пользовании совершенно не имеют оленей. Например, в Алданском округе 457 хозяйств колхозников – 69 % не имеют оленей в личном пользовании, в Жиганском районе – 68,6 %, в Нижне-Колымском – 72 %, в Саккырырском – 56 %, в Анабарском – 27,6 %. В Оленекском районе, где ликвидирована бесскотность хозяйств колхозников, 286 хозяйств, или 73 %, имеют в личном пользовании только до 10 голов оленей. ...» [17].

Итак, проверяющий Игнатов попытался объективно рассмотреть все вопросы животноводства как со стороны жесткого ограничения так называемого «разбазаривания» поголовья общественного скота, так и со стороны недостатков в ликвидации бесскотности у колхозников. Но характер документа все же позволяет сделать вывод о приоритете в данном вопросе, который стоял прежде всего в сохранении и развитии общественного поголовья скота.

В 1947 г. был организован выезд комиссии Министерства сельского хозяйства СССР во главе с И. Ермолинским для проверки состояния сельского хозяйства республики. Вот что И. Ермолинский пишет в кратком отчете о результатах проверки: «...Земледелие в Якутской республике сосредоточено почти целиком в центральных и частично южных районах. Климат этих районов отличается резкой континентальностью, продолжительной зимой, коротким, жарким и засушливым летом. Годовое количество осадков не превышает 200–250 миллиметров, из них выпадает в осенне-зимний период около 50–70 миллиметров, в том числе за период вегетации зерновых культур 100–120 миллиметров. Особенно мало выпадает осадков в первый период роста

зерновых культур (май – июнь), в мае обычно выпадает около 15–20, а в июне около 30–35 миллиметров. В течение последних 10 лет республика неоднократно подвергалась засухе, в 1939, 1941, 1942 и 1947 гг. Из этих четырех лет 1947 г. является наиболее засушливым. В решающие месяцы для вегетации зерновых культур (май – июнь – июль) в текущем году в ряде районов осадков выпало меньше по сравнению со средними многолетними в три – шесть раз...» [18]. Ниже приводятся данные об осадках, выпавших в летние месяцы 1947 г., по материалам метеорологических станций, расположенных в основных земледельческих районах республики (табл. 1).

Таблица 1 – Количество осадков в миллиметрах в 1947 г. (по материалам метеорологических станций), месяцы [19]

Станции	Май	Июнь	Июль	Итого за 3 месяца
Нюрбинская				
Среднее многолетнее значение	14	30	35	79
1947 год	9,9	2,5	–	12,4
Сунтарская				
Среднее многолетнее значение	11	36	46	93
1947 год	16	15,9	13,5	45,4
Олекминская				
Среднее многолетнее значение	20	35	42	97
1947 год	18,9	31,2	1,3	41,4
Покровская				
Среднее многолетнее значение	19	26	55	100
1947 год	13,8	6,4	35	55,2
Якутская				
Среднее многолетнее значение	15	28	37	80
1947 год	9,7	15,4	4,0	29,1

Урожайность зерновых культур с 1939 по 1945 гг. в большинстве районов республики была весьма низкой. Сравнительно высокий урожай был получен лишь в 1938 г. Сбор зерновых культур с гектара в наиболее засушливые годы снижался в 2–3 раза по сравнению с менее засушливыми (см. табл. 2).

Таблица 2 – Урожайность зерновых культур. 1938–1945 гг. (по материалам уполномоченного Госплана СССР по Якутской республике, в ц с 1 га) [20]

Годы	Центнеров с 1 га
1938	10,4
1939	3,5
1940	5,3
1941	3,4
1942	2,8
1943	5,5
1944	7,3
1945	5,5

Засуха 1947 г. охватила все земледельческие районы республики, в том числе и районы, отличающиеся наиболее благоприятными условиями для земледелия и сравнительно высокой и устойчивой урожайностью, – Ленский, Олекминский.

По предварительному определению урожайности, проведенному районными отделами сельского хозяйства, урожайность зерновых культур в районах колебалась от 0,8 до 4,3 ц с гектара. Наиболее низкая урожайность была зафиксирована в районах: Кобяйском, Чурапчинском, Токкинском, Усть-Майском, Вилюйском, Намском и Сунтарском.

Согласно материалам районных сельскохозяйственных отделов земледельческих районов, колхозы были распределены по следующим группам урожайности (см. табл. 3).

Таблица 3 – Состояние урожайности колхозов земледельческих районов в 1947 г. [21]

С урожайностью	Колхозов
До 1 ц с га	199
До 2 ц с га	235
От 2 до 3 ц с га	143
От 3 до 4 ц с га	69
Свыше 4 ц с га	57
Всего	703

Урожайность в 1939–1946 гг. в Чурапчинском районе была следующей (с 1 гектара): 2,8; 2,7; 2,3; 0,7; 6,0; 9,5; 2,12; 2,95 ц. В 1947 г., по предварительной оценке, урожайность зерновых культур была определена в 1,1 центнера с гектара. Однако проверка хода уборки урожая и обмолота в колхозах им. Сталина, «Кыым», «Красный партизан» и др. показала, что сбор зерна в этих колхозах даже не превышает 1 ц с га. Например, в колхозе им. Сталина с 19 га семенных участков было собрано зерна 19,08 ц, в колхозе «Кыым» с 9,5 га лишь 5,5 ц.

В еще более сложных условиях в Чурапчинском районе в 1947 г. находились 11 колхозов, вынужденно переселившихся в 1942 г. в северные районы республики (по Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6.01.1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока») и возвратившихся в 1946 г. Эти колхозы только освоили закрепленную за ними пашню, имели большую задолженность государству по денежным и натуральным ссудам (Сельхозбанку – 431,9 тыс. руб.), а также другим колхозам района за купленный скот (244,2 тыс. руб.). И все эти колхозы в 1947 г. собрали крайне низкий урожай. В материалах, представленных Чурапчинским райисполкомом в Совет Министров республики, состояние этих колхозов характеризовалось следующими показателями: из общей площади пашни, закрепленной за этими колхозами в количестве 2 762 га в 1947 г. было занято посевами лишь 656 га, или 24 %; валовой сбор зерна по плану в 1947 г. составлял 1 037 ц, а, по расчетам, будет только 342 ц, или 33 % [22].

Как отмечает проверяющий И. Ермолинский, обстановку в Усть-Алданском районе характеризует следующее письмо Усть-Алданского райкома партии и райисполкома, адресованное обкому партии и Совету Министров республики: «...Весной колхозы имели кое-какие запасы от отходов зерна, которые почти во всех колхозах давно вышли. Сейчас колхозники живут только отходами и небольшими лимитами, отпущенными правительством за июль и август в количестве 17 тонн. Положение во многом облегчается тем, что у 3 351 колхозного двора имеются 13 266 голов рогатого, 271 голова конского скота, в том числе 4 830 коров. Это является большим подспорьем...» [23]. Значит, на один колхозный двор приходилось в среднем 4 головы скота. При отсутствии возможности еще где-либо прокормиться данный фактор говорит о крайне низком продовольственном обеспечении людей. Забывая на прокорм последний скот, люди могли лишь на короткое время утолить свой голод, лишившись при этом будущего приплода, а значит – будущего своей семьи. Поэтому колхозники забивали свой скот только в случае крайней нужды.

Вполне понятно, что заболеваемость населения района туберкулезом возросла, что подтверждается итогами авторитетных обследований (см. табл. 4).

Таблица 4 – Заболеваемость туберкулезом в Усть-Алданском районе в 1947 г. [24]

Категории населения	По обследованию врачебной бригады обкома ВКП(б)	По обследованию Московской экспедиции
<i>Взрослое население:</i>		
Охвачено обследованием	36	573
Выявлено туберкулезных больных	6	138
Уровень заболеваемости, %	17,0	24,0
<i>Дети:</i>		
Охвачено обследованием	22	349
Выявлено туберкулезных больных	9	154
Уровень заболеваемости, %	40,9	44,0

Сложное положение с продовольствием в республике характеризовалось и следующими данными по Таттинскому району. Райком и райисполком Таттинского района писали в обком партии: «...После того как колхозы рассчитаются с государством, остается только 3 521 ц зерна на потребление и семенной фонд. Создается угроза в том, что колхозы останутся без семенного фонда на посев 1948 г., а потребность в семенном зерне составляет не меньше 8 тыс. ц...» [25].

И. Ермолинский заключает: «...Получение крайне низкого урожая зерновых культур, почти полное отсутствие выдачи зерна по трудодням во многих колхозах усугубляется еще и тем обстоятельством, что у них нет дополнительных источников питания – картофеля, овощей. Урожайность картофеля в колхозах определена в 16 ц с гектара. Посевы картофеля на приусадебных участках колхозников очень незначительны. В текущем году на приусадебных участках было посеяно 589 гектаров зерновых культур, 383 гектара картофеля, 30 гектаров овощей и 15 гектаров махорки. В целом по республике посев картофеля на приусадебных участках на один колхозный двор в среднем составляет лишь 0,01 гектара. Посевы на приусадебных участках также пострадали от засухи и дают незначительный сбор зерна и картофеля...» [26].

Тем не менее, несмотря на возникшие трудности, выполнение государственного плана развития животноводства в колхозах выполнялось и даже перевыполнялось (см. таблицу 5). Аналогичная ситуация возникала еще в 1941–1943 гг. Следовательно, социальная политика после

войны, в принципе, не изменилась – как и во время войны, государство требовало выполнения государственного плана любой ценой.

В 1947 г. обком партии и Совет Министров Якутской АССР вновь обращались в правительство СССР с просьбой об оказании помощи колхозам республики: разрешить замену поставок зерна в количестве 2 400 тонн животноводческими продуктами (как мы знаем, этот вопрос был разрешен положительно), разрешить замену поставок пшеницы и ржи ячменем и овсом без применения коэффициента замены, отпустить продовольственную ссуду колхозам республики в количестве 4 тыс. тонн, увеличить количество продовольственных пайков для детей-школьников, находящихся в интернатах, и для туберкулезных больных.

Таблица 5 – Выполнение государственного плана развития животноводства в Якутской АССР в 1947 г. (в тыс. голов) [27]

Категории скота	Наличие на 01.01.1947.	План 1947 г.	Наличие на 01.09.1947		
			наличие на 01.09.1947 г.	в % к 01.01.1947	% к плану 1947 г.
Крупный рогатый скот	192,2	210,0	224,1	116,6	107,1
Лошади	120,7	138,0	136,2	112,8	98,7
Овцы	5,2	6,0	6,1	117,4	101,8
Олени	188,4	193,0	227,0	120,0	117,6

В тяжелом экономическом положении в 1947 г. находились не только колхозы южных, так называемых земледельческих районов, но и колхозы районов Крайнего Севера [28].

Вследствие сложившихся неблагоприятных условий на Севере, вызванных непродуманной экономической и социальной политикой со стороны властей, наблюдалось сокращение числа колхозников и, наоборот, рост хозяйств единоличников. И это происходило в условиях еще не завершенной коллективизации – на 01.01.1948 г. было коллективизировано 98,7 % хозяйств. На самом же деле, вероятно, процент коллективизации был значительно ниже, так как утверждается, что учет хозяйств, занимающихся охотничьим, рыболовным промыслами и оленеводством, и не состоящих членами колхозов был неполным. Например, по состоянию на 01.01.1948 было учтено хозяйств, не состоящих в колхозах: в Алданском районе – 15, Токкинском – 14 и Учурском – 16. Интересно, что таким единоличным хозяйствам оказывалась материальная поддержка со стороны торгово-заготовительных и промышленных организаций, которые их снабжали охотничьими боеприпасами и продуктами в кредит на тех же условиях, что и колхозников (по-видимому, такая форма работы с единоличниками была более эффективна, чем с колхозниками). Кроме того, эти организации требовали беспрепятственного предоставления единоличникам охотничьих угодий, закрепленных за колхозами. Понятно, что подобное поощрение единоличных хозяйств привело к ослаблению организационно-хозяйственного состояния ряда колхозов Жиганского, Томмотского, Токкинского и других районов, а число единоличников, не состоящих в колхозах, стало расти. В 1947 г. по имеющимся 160 колхозам численность дворов и одиночек сократилась с 7 843 до 7 721, или на 122 хозяйства. Уменьшение численности хозяйств проходило в 72 колхозах, и в особенности в Абыйском районе, где число хозяйств сократилось на 13, или 3,1 %, Аллах-Юньском на 7 хозяйств, или 12,1 %, Тимптонском на 7, или 4,5 %, и Усть-Янском на 43 хозяйства, или 7 % [29].

Как отмечалось статистикой, за 1947 г. прибыло в колхозы 301 хозяйство, а выбыло 423. Убыль хозяйств из колхозов объяснялась причинами, указанными в табл. 6. Треть хозяйств ушла из колхозов по невыясненным причинам, а около 11 % – ушло самовольно.

Таблица 6 – Причины выбытия хозяйств и людей из колхозов северных районов Якутии в 1947 г. [30]

Причины выбытия	Хозяйств/человек
Перешло на другую работу в организации и учреждения	44 чел.
Умерло	53 чел.
Осуждено	28 чел.
Исключено	31 чел.
Самовольно ушло из колхозов	29 хоз-в
Вернулось обратно в Чурапчинский район	22 хоз-ва
Перешло из одного колхоза в другой	59 хоз-в
Объединено хозяйств и одиночек	74 хоз-ва
Выбыло по невыясненным причинам	83 хоз-ва
Всего выбыло:	156 чел., 267 хоз-в

Приведенные цифры убыли хозяйств из колхозов – следствие тяжелых экономических условий в районах Крайнего Севера Якутии. Как констатируют документы, к этому подтолкнула, «...главным образом, необеспеченность орудиями рыбной ловли и охотбоеприпасами...» [31]. В колхозе «12 лет Октября» Нижне-Колымского района, например, из каждых 100 рыбаков орудиями лова были обеспечены только 20 человек. В указанном колхозе в 1947 г. сокращение произошло на 9 хозяйств, из которых по причине смерти – 6 хозяйств. Из вышеуказанного напрашивается вывод, что люди на Севере умирали от истощения, голода. Они не могли ловить рыбу из-за нехватки рыболовных сетей и охотиться без боеприпасов. А между тем поголовье оленей в колхозах росло, планы государственных поставок различных продуктов выполнялись и перевыполнялись...

В Абыйском районе одна треть хозяйств не имела в личном пользовании никакого скота. В среднем на одно хозяйство здесь приходилось по две рыболовные сети. В среднем за работу в колхозе в 1947 г. хозяйство колхозника получило: денег – 1 286 руб., оленьего мяса – 1 кг, скотского и конского – 24 кг, мяса диких зверей – 26 кг, боровой дичи – 2 кг, молока цельного – 26 литров, молока снятого – 22,2 литра, сората (в современном понимании – кефир) – 51 кг, масла – 600 г, сена – 14 ц, рыбы – 189 кг.

В Учурском районе в среднем на одно хозяйство приходилось деньгами – 1 968 руб., оленьего мяса – 1 кг, скотского и конского мяса – 4 кг, мяса диких зверей – 11 кг, молока цельного – 5 литров, молока снятого – 1 литр, сорота – 12 кг, масла – 8 кг, картофеля – 209 кг, зерна – 28 кг, сена – 6 ц. В районе также каждое третье хозяйство было бесскотным и только одна рыболовная сеть приходилась на 5 хозяйств [32].

Личное подсобное хозяйство колхозников указанных северных районов пришло в полный упадок. Несмотря на это, Центросоюз и Главсеверторг не обеспечивали завоз материалов для изготовления сетей. Более того, до последнего времени руководство этих систем запрещало продавать охотничьи боеприпасы населению этих районов для добычи диких зверей и дичи для пропитания. Такую преступную политику в отношении жителей Севера можно объяснить разросшейся бюрократической системой в стране, бюрократическими методами руководства экономикой.

Тяжелое продовольственное положение колхозников республики вызвало повсеместные так называемые нарушения Устава сельскохозяйственной артели: расхищение продовольствия, продажу продуктов по низким, колхозным ценам (что позволялось только в некоторых случаях), выдачу продуктов питания авансом в счет будущих выработанных в колхозе трудодней и др.

Колхозы северных районов республики тем не менее полностью рассчитывались с государством по денежным платежам, добросовестно выполняли планы заготовки пушнины, поставки мяса и молока [33].

Трудности и лишения преследовали колхозников Якутии не только в 1945–1947 гг. Политика изъятия доходов, проводимая в отношении крестьянства, отрицательно сказывалась на их материальном, экономическом положении вплоть до 1953 г. Хронически низкая урожайность и, соответственно, низкая оплата выработанных трудодней, отсутствие возможности получать доход от личных подсобных хозяйств в условиях севера, а также часто – отсутствие личного поголовья скота – усугубляли ситуацию.

Ссылки и примечания:

1. Siegelbaum L.H. Behind the facade of Stalin's command economy: Evidence from the Soviet state and party archives // Russian review. Vol. 61, is. 2. Malden, 2002.
2. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. 1946–1960. М., 2009. С. 8.
3. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 39, 40.
4. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX века. Новосибирск, 2007. С. 75.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 344. Л. 103.
6. Там же. Ф. 17. Оп. 123. Д. 605. Л. 2.
7. Там же. Д. 472. Л. 67.
8. Там же.
9. Там же. Л. 69.
10. Там же. Ф. 17. Оп. 123. Д. 472. Л. 78, 79.
11. Там же. Л. 78.
12. Там же. Л. 78, 79.
13. Там же. Л. 81.
14. Там же. Л. 87, 88.
15. Там же. Оп. 122. Д. 108. Л. 72.
16. Там же. Д. 171. Л. 103.
17. Там же. Ф. 17. Оп. 122. Д. 171. Л. 103–110.
18. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4444. Л. 122, 123.
19. Составлено по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4444. Л. 123.
20. Составлено по: Там же.

21. Составлено по: Там же. Л. 122.
22. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4444. Л. 118, 119.
23. Там же. Л. 117.
24. Составлено по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4444. Л. 117.
25. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4444. Л. 116, 117.
26. Там же.
27. Составлено по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4444. Л. 116.
28. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4444. Л. 112.
29. Там же. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 794. Л. 85 об.
30. Составлено по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 794. Л. 85 об.
31. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 794. Л. 85 об.
32. Там же. Л. 74.
33. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 794. Л. 87.

References:

- Filippova, VV 2007, *Indigenous People of the Northern Yakutia in the Changing Life Space: the Second Half of the 20th Century*, Novosibirsk, p. 75, (in Russian).
- Siegelbaum, LH 2002, 'Behind the Facade of Stalin's Command Economy: Evidence from the Soviet State and Party Archives', *Russian Review*, vol. 61, no. 2, Malden.
- Zhiromskaya, VB 2009, *The Life Opportunity of the After-War Generations in Russia: the Historical and Demographic Aspect. 1946-1960*, Moscow, p. 8, (in Russian).
- Zima, VF 1996, *Famine in the USSR in 1946-1947: Origins and Consequences*, Moscow, pp. 39, 40, (in Russian).